

Ефимова Надежда Николаевна, доцент Иркутского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук.

E-mail: caprico2009@yandex.ru

Efimova Nadezhda Nikolaevna, associate professor, Irkutsk State Linguistic University, candidate of philological sciences.

УДК 412.4 (947.122)

© *Т.А. Голованева, А.Г. Игумнов*

Сопоставительный анализ особенностей референции в автобиографических рассказах, рассказах об обычаях и исторических преданиях (на материале корякского языка)*

Рассматриваются особенности идентификации референтов в тексте автобиографического рассказа, во многом обусловленные его жанровой спецификой. Утверждается, что для автобиографических рассказов характерна высокая степень определенности референтов, а также детальная прорисовка самого действия, для рассказов об обычаях актуализация референтной группы может совершаться без использования лексических средств референции, в корякских исторических преданиях действующие лица представлены как противоборствующие референтные группы, актуализированные при помощи этнических идентификаторов.

Ключевые слова: референция, референт, корякский язык, нарратив, автобиографические рассказы, рассказы о традициях, исторические предания, устная речь.

T.A. Golovaneva, A.G. Igumnov

Comparative analysis of reference features in autobiographical stories, historical and traditional legends (on the material of Koryak language)

The article reviews reference identification features in autobiographical stories. Narrator's identification depends on specific genre of the text. Identification of referents and detailed exposition of events are essential characteristics of autobiographic stories, as narrator is a direct eyewitness of those events. But stories about traditions have different identification strategy: in this case, referents are exposed in general – as a group of people performing some ceremony.

Keywords: reference identification, referent, Koryak language, narration, autobiographical stories, narratives about traditions, historical legends, spoken language.

Уточнение критериев жанровой дифференциации текстов продолжает оставаться актуальной проблемой для филологии. Логика сюжета, система персонажей, стилистические особенности – все работает на поддержание жанровой специфики текста. Жанр – объективная характеристика нарратива. Жанровые особенности нарративов воспринимаются носителями традиции бессознательно в процессе общения и воспроизводятся уже сообразно установленным канонам, при этом сам процесс жанрообразования в рамках индивидуальной речевой манеры, как правило, не осознается самим говорящим.

Критерии жанровой дифференциации текстов имеют практическое применение. Они важны для анализа нарративов самого разного характера, в том числе зафиксированных в полевых условиях от носителей локальной этнической традиции.

В ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в г. Петропавловск-Камчатский в 2010 г. были записаны тексты разной жанровой принадлежности [Голованева, Мальцева; Голованева, Мальцева, Пронина]. Большая часть этих текстов, записанных на корякском и алюторском языках от коренных жителей Камчатки, не является фольклорными произведениями. В нарратологическом и лингвистическом аспектах автобиографические повествования, рассказы об обычаях, устные тексты самой разной тематики представляют собой повествовательный феномен. Проблема состоит в том, какова должна быть методика анализа этих разнообразных текстов.

Возможности современной цифровой аудио- и видеоаппаратуры позволяют в полевых условиях делать записи, максимально точно соответствующие реально произнесенным нарративам. Расширение фонда полевых материалов, содержащих разножанровые, тематически неоднородные тексты, побуждает искать способы адекватного изучения этого материала. Анализ референциальной стратегии – один из перспективных исследовательских аспектов изучения корпуса как спонтанных, так и тради-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 14-04-00108. Тема проекта: «Устный и письменный автобиографический нарратив в референциальном аспекте (на материале корякского и алюторского языков)».

ционных нарративов разных жанров и разной тематики.

Референциальный план текста отражает уровень его определенности, соответствия текста реальной действительности, точнее, той ситуации, которая изображается в конкретном тексте. Известный теоретик фольклора В. П. Аникин, рассуждая об особенностях жанровой специфики фольклорных текстов, апеллирует именно к категории реальности, преломленной в тексте: «По сути дела, в жанровых свойствах *в конечном счете* реализуется жизненная установка творцов – их понимание реальности и стремление влиять на нее в известном направлении» [Аникин, с. 96; выделено В.П. Аникиным].

Автобиографические рассказы, рассказы об обычаях, исторические предания предполагают разный уровень соотношения с действительностью. Создавая оригинальный текст или воспроизводя услышанный ранее, рассказчик, вольно или нет, стремится соответствовать жанровым ожиданиям слушателей.

В референциальном аспекте, т.е. в аспекте соотношения текста и реальной действительности, автобиографические рассказы и рассказы об обычаях противопоставлены историческим преданиям. С одной стороны, «предания содержат значительную долю фактической информации и представляют бесспорный интерес как источник конкретных исторических сведений» [Варламов, с. 127]. С другой стороны, рассказчик не являлся очевидцем изображаемых в историческом предании событий, а значит, никакой ответственности за достоверность рассказываемой истории не несет. Он передает то, что слышал, т.е. фактически он имеет дело не с реальностью, а с услышанным ранее текстом: «...для рассказчиков важна не фактическая, а услышанная от соплеменников, воссозданная в воспоминаниях история, а это прямое указание на то, что задействована коллективная (но пока еще не культурная) память этноса, а не коммуникативная память отдельного человека» [Тихонова, с. 186]. Тем не менее, в исторических преданиях «изображение исторической действительности составляет основную цель произведения» [Пропп, с. 118; выделено нами. – Т.Г., А.И.]. Стремление рассказать о *реальных* событиях – та сфера пересечения текстов трех выделенных жанров, которая и позволяет сравнивать их в референциальном аспекте.

В отличие от исторических преданий автобиографические рассказы, т.е. повествования о событиях, произошедших с рассказчиком лично, так же как и рассказы об обычаях (повествования рассказчика-очевидца о ритуальных праздниках, традициях своего народа), не являются каноническими жанрами.

Автобиографические рассказы и рассказы об обычаях к фольклорным текстам не относятся, так как не предполагают межпоколенческой трансляции и характеризуются устойчивостью только в рамках индивидуальной повествовательной традиции конкретного рассказчика.

Рассказ об обычаях, судя по нашим полевым записям, представляет собой отдельный жанр устных текстов, моделируемых носителями этнической традиции в ходе интервью. Для него характерно стремление рассказчика достоверно изобразить обычаи или ритуальные церемонии, исполнителем которых, будучи коренным представителем своего этноса, он являлся сам лично.

Каждый из нас понимает, что собой представляет автобиографический рассказ, но чем очевиднее феномен, тем сложнее дать адекватную формулировку. С.В. Волошина предлагает следующее определение: «*Автобиографический рассказ в диалектной коммуникации* – комплексный информативный речевой жанр, устный рассказ о жизни с момента рождения до момента общения (как правило, спротоцированный). Типичный автобиографический рассказ содержит информацию о годе, месте рождения, о семье, в которой родился говорящий, родителях, о хозяйстве семьи, о переезде, перемене места жительства, о событиях в личной жизни, о сферах деятельности, о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время. За автором остается право выбора и отбора событий для рассказа о собственной жизни» [Волошина, с. 60; выделено С.В. Володиной].

Автобиографический рассказ, так же как и рассказ об обычаях, ценен настолько, насколько правдив. Уличение во лжи полностью дискредитирует рассказчика, причем не только в пределах данной коммуникативной ситуации, но и на будущее. Любой рассказчик дорожит вниманием и, самое главное, доверием слушателей. Показательно, что рассказчик очень обижается, если слушатели начинают выражать сомнение в истинности его автобиографического рассказа. Таким образом, референциальный план текста подчиняется определенным закономерностям, которые связаны с жанровыми ожиданиями слушателей. Речь идет о выборе референциальной стратегии. Под референциальной стратегией понимается система средств актуализации референтов (героев повествования) в тексте.

Референциальная стратегия выстраивается с учетом важности, значимости для логики повествования всего набора референтов (действующих лиц) создаваемого текста. Для рассказа об обычаях так же, как и для автобиографического рассказа, характерно стремление к документальности, правдивости повествования. В противном случае и автобиографический рассказ, и рассказ об обычаях теряет

свою коммуникативную ценность, обусловленную жанром. Тенденция к документальности изображения одна, однако средства ее воплощения принципиально отличны.

Жанр автобиографического рассказа предполагает выбор такой референциальной стратегии, в соответствии с которой центральным референтом повествования является *я-нарратор*. В статье И.Л. Савкиной и Ю.Л. Бахтиной отмечается одна из особенностей автобиографического рассказа: «... автобиографический нарратив является средством и полем противоречивого и непрекращающегося процесса *самоидентификации*» [Савкина, Бахтина, с. 77; выделено нами. – Т.Г., А.И.].

Абсолютное большинство героев автобиографического повествования представлены в тексте через актуализацию связи с центральным референтом – *я-нарратором*: *я – моя мама – мой брат – мой муж – мой ребенок – моя подруга – моя учительница – моя соседка*. *Я-нарратор* – это абсолютный центр референциального плана автобиографического рассказа. Актуализация связи персонажей с *я-нарратором* опосредованно служит средством усиления эффекта документальности повествования. Для этого используются двухкомпонентные дескрипции (*моя мама, мой друг*), а также одиночные лексемы – термины родства (*мама, отец*). Использование терминов родства, с одной стороны, позволяет выстроить персонажный план автобиографического текста, а с другой – создает эффект истинности изображаемых в тексте событий.

Логика автобиографического нарратива такова: *я* – реален (не подлежит сомнению), *моя мама* (этот референт также реален по определению) – реальна, из этого следует: все, что происходит в моем рассказе с моей мамой и мной реально. Какими бы необычными не были события, но факт того, что рассказчик сам лично был очевидцем данного происшествия, является презумпцией документальности текста. Если *я* видел, значит это действительно было:

(1) [Симонова: т. 3, п. 1–10] (автобиографический рассказ)

1. <i>Еще</i> ныпулуйгым вама <u>ымманақ...</u> <u>ымма</u> коёмъятың <i>чемлянкагиңки, а гыммо</i> айкатык гатвагалэгым.	(Когда) я была еще маленькая, <u>мама...</u> <u>мама</u> красит шкуру возле землянки, а <u>я</u> на берегу сижу.
2. Кытав'ут тылэг'ун: кав'ьяльг'ын куетың, <i>прям</i> в'аямыңко.	Вдруг вижу: вихрь идет, прямо с речки.
3. <i>И я</i> тывивың:	И <u>я</u> говорю:
4. «Қыгэт, ымма, кав'ьяльг'ын куетың!»	«Смотри, мама, вихрь идет!»
5. <i>Ага, и тыңвоқ</i> ачачгыньчелг'атык, тывивың:	Ага, и я начала смеяться, говорю ей:
6. «Ыно, гынин налгын сейчас екминьңынин и енгынтэвньңынин».	«Смотри, твою шкуру сейчас заберет и утачит».
7. <i>А ыннин ымма</i> эвың:	А <u>эта мама</u> говорит:
8. «Қок, қыйым қойың нытагаг'ын.	«Ох, не придет он сюда».
9. <i>А ыннин</i> кав'ьяльг'ын <i>прям</i> ынкайтың г'эқэви <i>и ңывонэн</i> қамаңа, ёмьяқамаңа то налгын, ... ейиңэв'нин.	И этот смерч прямо к ней направился и начал корыто и таз с настоем и шкуру (крутить), ... унес их в воздух.
10. <i>Ейиңэв'нин</i> <i>и ңанко</i> в'эемык <i>яқам</i> тэқын, <i>как будто</i> йыччилнин, <i>так аккуратно</i> положил, <i>ага</i> .	Унес в воздух и там на речке прямо так, как будто положил, так аккуратно положил, ага.

Существует инерция правдоподобия: достаточно ввести в текст реальных действующих лиц, и все совершаемые ими действия предстанут в рассказе как истинно произошедшие. Одно из главных средств создания эффекта документальности текста – отсылка к реально существующим референтам. Как следствие этого, в автобиографических рассказах наблюдается устойчивый набор референциальных дескрипций, идентифицирующих референтов и работающих на создание эффекта документальности текста. Эти дескрипции включают в свой состав два компонента: притяжательное местоимение и термин родства. Такие дескрипции обладают относительной определенностью: они насыщаются смыслом в рамках заданной коммуникативной ситуации, относительно конкретного рассказчика. С одной стороны, дескрипция *мой отец* может быть применима к неограниченному кругу референтов, с другой – относительно *я-нарратора* эта дескрипция соответствует только одному определенному референту.

Референциальная стратегия в автобиографических нарративах предполагает движение от актуализации героев повествования к припоминанию совершаемых ими действий. Если в центре внимания автобиографического рассказа находятся действующие лица (референты), то в центре внимания рассказов об обычаях – само действие. Рассказчик стремится как можно более подробно воссоздать в тексте мельчайшие этапы традиционного ритуала. Действующие лица в этом случае – вторичны, по-

этому могут не актуализироваться в тексте:

(2) [Аймык, т. 2, п. 8–13] (рассказ об обычаях)

8. Ңанко в'аямқоянматык, <u>наконмыңын</u> ныппулюқин қаююпиль.	Тогда, во время забоя оленя для реки, <u>забивают</u> маленького телёнка.
9. Витку гайтолэн, <i>ему месяц</i> , ыннен йыг'илгын, ңаен қаююпиль.	Только недавно родился, один месяц тому телёнку.
10. <u>Нэкунв'эньңыңын</u> , тэқын нымэйыңқин г'оптымың, г'оптымың накопаньңын ңаен тымъёпель, яқам г'оптымың.	<u>Разделяют</u> как большого оленя и всё варят, всю ту тушку прямо целиком.
11. <i>И</i> милгын <u>нэкуныңлэв'ңын</u> в'аямтайнык миңки.	И <u>разжигают</u> огонь где-то рядом с рекой.
12. Унмык чеймык уйңэ в'аямтайнык, в'аямқалайтың <u>наконмыңын</u> .	Довольно близко, но не на самом берегу, в сторону реки (идут) <u>забивают</u> .
13. Ңанко инэлвэт <u>нэкуччилңын</u> в'аямқоянматык.	Там жертву <u>кладут</u> , (когда) реке оленя забивают.

В противоположность автобиографическим нарративам для рассказов об обычаях неважно, *кто* совершает действие, в таких рассказах действие изображается как неперсонифицированное. Тем не менее, создавая по просьбе исследователей рассказ об обычаях, рассказчик опирается на свой личный опыт, в связи с чем в рассказе встречаются автобиографические вставки. Они строятся по модели автобиографических рассказов, т.е. центре повествования находится *я-нарратор*:

(3) [Аймик: т. 4, п. 17–24] (рассказ об обычаях, автобиографическая вставка)

17. Пойго <u>накончоччымав'ңынав'</u> , оттопойго <u>накончоччымав'ңынав'</u> , очымңын, пойгын <u>накончоччымав'ңын</u> , тит қояңа <u>нэкуныпкиенъңын</u> тымъёлқыл то кымиңу, йыльңыкмиңу <u>нэкуг'эйңэв'ңынэв'</u> , очымңын, пойгын <i>и</i> оттыпойгын нэкуллэйвыңын, микынэк еникэң янмыңнэн қояңа.	Копьё <u>готовят</u> , деревянное копьё, <u>готовят</u> посох, копьё <u>готовят</u> , чтобы, когда оленя <u>подгоняют</u> для забоя, <u>зовут</u> детей, внуков, чтобы они посох, копьё и деревянное копьё принесли, (те), кто будет забивать оленя.
18. <i>Например</i> , <u>гыммо</u> тыколымңэнаң <u>энпичик</u> , <u>гымнин</u> йычг'ам <i>или ещё</i> мэкинин йычг'амйытумгын <i>или</i> мэкинин йыльңыкмиңын, <u>гымнин</u> энпичин йыльңыкмиңын.	Например, я ходила <u>с отцом</u> , <u>мой (родной) брат</u> или ещё <u>чей-то брат</u> или <u>чей-то внук</u> , моего отца внук.
19. Камлэлың тэйкыплэпың <u>мытконкамлэланьңын</u> қояңа.	Вокруг, по ходу солнца <u>обходим</u> оленя (еще живого).
20. <i>И</i> эчгатынвэтың, миңки тийкытий қоңтогаг'ың, ңақые <u>эньпич</u> қонпың қолляпыңвоң пыче, <i>и</i> айңон тыкэв'ыңвоңын, тыкэв'ыңвоңу...	И в сторону рассвета, где солнце восходит, туда <u>отец</u> всегда смотрел сначала, и давно я думала, гадала...
21. ... <i>А</i> пэңкэн купйыңнин <i>и</i> ков'аняватың эчгатынвэтың.	... <i>А</i> шапку снимал и говорил к восходу.
22. Тыкэв'ыңвоңу, мэки конв'аняв'ав'ңынэн қонпың, <i>и</i> вилут тыкуникэңнэт, тит мываломын, йынны котвыңнин.	Я думала, с кем он говорит всегда, и уши я (напрягала), чтобы услышать, что он говорит.
23. <i>И</i> қонпың эвың, қонпың тыковаломңывоңын в'аняв': «В'откэн қыгир, гыныкэн тымъён тыныпкирэтын.	И всегда говорил, я всегда слушала слова: «Вот видишь, тебе тушу принёс.
24. Пыльв'агыргэв'ыт, қыгит, қинэгитэркын, амйайв'ачың мынытв'аркын».	О боже, смотри, наблюдай за мной, и пусть у нас всё будет благополучно».

На примере фрагмента (2) можно проследить, как рассказчица (Лилия Александровна Аймык) меняет референциальную тактику представления персонажей рассказа. Сигналом начала автобиографической вставки является употребление русского слова *например* (предл. 18). Далее рассказчица строит фрагмент по модели автобиографического рассказа: актуализирует себя как центр повествования, употребляя местоимение *гыммо* 'я' (наличие этого референциального центра не характерно для рассказов об обычаях) и далее актуализирует референта посредством употребления термина родства 'отец'.

В автобиографической вставке появляется детальная прорисовка глубоко личных ощущений рассказчицы, которые, несмотря на давность событий, не стерлись из ее памяти. В автобиографических вставках первичны герои повествования, поэтому появляются их детальные описания, передаются их чувства и речь. Благодаря этому вставки эмоционально насыщены. Однако в целом для рассказов об обычаях, напротив, характерны стремление к беспристрастности изображения, нейтрализация эмоций: на первом плане – действие, а герои и их эмоции уже вторичны.

В системе персонажей автобиографических рассказов предпочтение отдается единичным референтам. Упоминание единичных референтов усиливает эффект истинности изображаемого действия (см. примеры 1, 3). То, что происходит с конкретным человеком, кажется реальной, чем то, что происходит с группой.

В автобиографических рассказах по законам жанра родственник статус референта известен и актуализирован. В рассказах об обычаях, напротив, доминируют референтные группы, что связано с самим феноменом коллективности обрядовых действий и обычаев (пример 2). В исторических преданиях так же, как и в рассказах об обычаях, доминирующая роль отведена референтным группам. Однако принципы актуализации этих групп иные.

В исторических преданиях актуализация референтных групп при помощи однозначных лексем или дескрипций обязательна. Именно однозначные средства референции, лексем (как правило, этнические идентификаторы) и дескрипции, создают специфический референциальный план исторических преданий. Определенность референциального плана исторических преданий реализуется только в этническом и племенном аспекте (важен народ, племя, остальное – вторично):

(4) [Симонова, т. 11, п. 1–8] (историческое предание)

1. Аппанак қонпың котвыңнэн, амин, айңон в'уччин мучгин нучельқын янот аммогынан мыткювалаңын, да.	Папа всегда рассказывает, ну, давно, вот нашу землю сначала мы одни использовали, да.
2. Уйңэ в'утку қояамко, уйңэ в'утку янот мэлгытанно, уйңэ ынней <u>американцав'</u> , уйңэ мэкив' амин <u>японо</u> .	Не было здесь <u>эвенов</u> , не было тут сначала <u>русских</u> , не было этих <u>американцев</u> , никаких <u>японцев</u> .
3. Ятан муйкэкылг'у <u>нымылг'у</u> то <u>чав'чывав'</u> то <u>ив'тылылг'у</u> , <u>ительмены</u> .	Только наши <u>нымыланы</u> , и <u>чавчувены</u> , и <u>нижние</u> , <u>ительмены</u> .
4. Только вот эти народы жили, ага.	
5. Потом титэ яллай... ңыволай етык қойың <u>илгылэв'тылг'у</u> , <u>иктылыляв' их называют</u> .	Потом когда-то приехали... начали (приезжать) сюда <u>белоголовые</u> , «ледяные глаза» их называют.
6. <u>Русские</u> – <u>иктылыляв'</u> или <u>илгылэв'тылг'у</u> , ага.	<u>Русские</u> – «ледяные глаза» или <u>белоголовые</u> , ага.
7. Наңвон в'уччин нучельқын вийиңчитык.	Начали вот эту землю отбирать друг у друга.
8. То <u>депонав'</u> , то <u>мэриканцэв'</u> , то <u>мэлгытанно</u> то <u>ичвыпэңкэлг'у</u> <u>тайкыклевопанқалг'о</u> имыяқин валг'о г'уемтэв'илг'у.	И <u>японцы</u> , и <u>американцы</u> , и <u>русские</u> , и <u>острошапочники</u> (красноармейцы), и <u>лепешечношапочные</u> (белогвардейцы) – разные люди.

В исторических преданиях *я-нарратор* отсутствует как индивидуальная личность, но рассказчик, вольно или нет, позиционирует себя как часть этноса, о котором идет речь в историческом предании. Отсюда вытекает его оценка изображаемых событий. Т.е. рассказчик предания не беспристрастен, его роль связана с той группой персонажей, к потомкам которой он себя причисляет. Исследовательница исторических преданий Ю.Н. Попова отмечает, что их анализ «позволяет проследить, каким образом жители отдельных регионов оценивали те или иные исторические события, что выделяли *для себя*, о чем забывали, какое место в истории отводили *себе*» [Попова, с. 36; выделено нами. – Т.Г., А.И.].

В качестве действующих персонажей и в исторических преданиях, и в рассказах об обычаях доминируют референтные группы. Но роль этих групп в сюжетах повествований различна. Если в рассказах об обычаях в центре изображения находится действие как таковое (референты вторичны), то в исторических преданиях сам сюжет формируется именно с опорой на *определенную* референтную группу, а само действие может быть обрисовано абстрактно, только штрихами:

(5) [Аймик: т. 8, п. 6–10] (историческое предание)

6. Ңанко гэлэйвылинэв' и ынней <u>чукци</u> гаңволэнав' танңычетык то <u>казаки</u> .	Тогда ходили и эти <u>чукци</u> начали воевать с <u>казаками</u> .
7. И ыйыто ңанко мыткулг'уңнэв' то в'ала, альпэв'ала, <u>японские</u> в'алакв'о, гэкмиллинэв', анам, <u>японские</u> , нэкуенңынэв'	И луки там мы находили и ножи, плоские ножи, японские ножи, брали, наверно, японские, привозили давно, <u>американцы</u> гостили, ходили по нашей земле, <u>японцы</u> .

айңон <u>американцы</u> гаямкычилинав', гэлэйвылинэв', мойыкнотаңо <u>японцы</u> .	
8. В'алав' нэкуйылңынэв', кыльыляв' нэкуйылңынэв', г'ам <u>мочгынан муйыкпэнинэлг'э</u> нэкуйылңынэв' <i>там</i> имыеқин валг'о: налгу, в'ыкв'о, ванно то имыею, йынно <i>и</i> ңаей в'алав'.	Ножи нам давали, бисер нам давали, а <u>наши предки</u> да- вали все, что есть: шкуры, как их, камни, бивни, рога и те ножи.
9. В'ача мытлыг'ун <i>кольчуга</i> , ңаен в'ала, тэқын лыгьқэйли, гатаңычеллэнав', мыев' кэв'лаң, ыннэн.	Иногда мы находили кольчуги, теми ножами точно вос- вали, потому что рассказывали, один...
10. Г'оптымың ңаей <u>казаки</u> , тэг'и аму мыллыңэн, ыннанмыллыңэн, мынгытык, тэг'и аму гээллинэв', <u>муйкэ-</u> <u>кылг'э</u> ганмылэнав' г'оптымың, ыннэн гапэлалэн, ыннэн.	Все те <u>казаки</u> , сколько, наверно, пять, шесть десятков пришли, <u>наши</u> всех убили, одного оставили, одного.

В исторических преданиях в центре изображения не действие, а группа героев, поэтому так важно четко (насколько этого требует жанр) выстроить референциальный план, рассказчику надо обозначить, *кто* против *кого* воюет. Это важно для сохранения собственной этнической идентификации рассказчика. Не случайно в приведенном фрагменте исторического предания используется дескрипция *мочгынан муйыкпэнинэлг'э* 'наши предки' (предл. 8), а также лексема *муйкэкылг'э* 'наши' (предл. 10). Фактически я-нарратора вводится в круг действующих лиц исторического предания. Стремление к этнической самоидентификации заложено в самом жанре: «Мы – то, что мы помним» – такая формула пронизывает актуальное понимание взаимоотношений памяти и идентичности» [Ластовский, с. 290]. С другой стороны, рассказы об обычаях, казалось бы, тоже апеллирующие к этнической самоидентификации рассказчика предполагают совершенно иные языковые средства для выражения этого стремления.

В отличие от автобиографических рассказов и исторических преданий референциальный план рассказов об обычаях является наименее определенным. В рассказах об обычаях так же, как и в исторических преданиях, в качестве действующих лиц фигурируют референтные группы. Но в исторических преданиях для актуализации референтных групп используются однозначные лексемы и дескрипции (это принципиально для жанра), в рассказах об обычаях актуализация референтных групп может осуществляться вообще без использования лексических средств.

Результаты обобщающего анализа особенностей моделирования референциального плана в текстах трех выделенных жанров выглядят следующим образом:

Референциальная стратегия развертывания текста		Автобиографический рассказ	Рассказ об обычаях	Историческое предание
Средство достижения эффекта документальности повествования	актуализация героев повествования	+		+
	детализация действия	+	+	
Главные действующие лица	референтные группы		+	+
	одиночные референты	+		
Актуальные средства референции	полнозначные (лексические)	+		+
	редуцированные		+	
Степень определенности референциального плана	высокая	+		
	средняя			+
	низкая		+	

Эффект документальности повествования является принципиально значимым для автобиографических рассказов, именно поэтому в них используется максимум средств для достижения этой цели. Действующие лица в автобиографических рассказах – одиночные референты, актуализация которых совершается при помощи лексических средств референции.

В автобиографических рассказах и в исторических преданиях широко используются редуцированные средства референции (глагольные лично-числовые суффиксы), однако при наличии в тексте полнозначных (лексических) средств референции редуцированные средства становятся неактуальными, т.к. организуют референциальный план текста именно лексические средства референции, а редуцированные только поддерживают его. В рассказах об обычаях, напротив, доминируют редуцированные средства референции, а лексические могут вообще отсутствовать. Этнические идентификаторы явля-

ются доминирующими в исторических преданиях, при этом они обладают гораздо меньшей степенью референциальной определенности, нежели дескрипции, типичные для автобиографических рассказов. Кроме того, референтные группы характеризуются меньшей определенностью, чем единичные референты, поэтому ролевой план исторических преданий можно назвать лишь условно определенным.

Расшифровка аудиозаписи устных корякских текстов

Аймик – Тексты, рассказанные на корякском языке Лилией Александровной Аймык, 1970 г. р., уроженкой п. Верхние Пахачи Олоторского района Камчатского края. Тексты были записаны Т.А. Голованевой и А.А. Мальцевой в июне 2010 г. в г. Петропавловске-Камчатском в ходе лингвистической экспедиции ИФЛ СО РАН.

Симонова – Тексты, рассказанные на корякском языке Александрой Алексеевной Симоновой, 1951 г. р., уроженкой с. Ветвей Олоторского района Камчатского края. Тексты были записаны Т.А. Голованевой и А.А. Мальцевой в июне 2010 г. в пос. Нагорный Петропавловского района Камчатского края в ходе лингвистической экспедиции ИФЛ СО РАН.

Литература

1. Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
2. Варламов А.Н. «Летописная» история в исторических преданиях эвенков // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2009. № 6 (57).
3. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа как фрагмент энциклопедии речевых жанров // Вопросы лексикографии. 2012. № 1.
4. Голованева Т.А., Мальцева А.А. Тексты на корякском языке (чавчувенский диалект, пахачинский говор) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 25. 2013. № 2.
5. Голованева Т.А., Мальцева А.А., Пронина Е.П. Тексты на корякском языке, записанные от А.А. Симоновой // Экспедиционные материалы по языкам народов Сибири (1995–2012 гг.) / отв. ред. Н.Н. Ширококова. – Новосибирск, 2012.
6. Ластовский А.Л. Историческая память белорусских поляков: между официальными нарративами и семейными преданиями // Социологический альманах. 2011. № 2.
7. Попова Ю.Н. Предания как источник для изучения исторической памяти народа (на примере Олонецкой губернии) // Учен. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2012. № 5.
8. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976.
9. Савкина И.Л., Бахтина Ю.В. Жизнь как путешествие: нарративная идентификация в автобиографическом интервью // Учен. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2014. № 5.
10. Тихонова Е.Л. «Коммуникативное и культурное воскрешение прошлого» как основная функция исторических преданий // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Филология. 2012. Вып. 10.

Голованева Татьяна Александровна, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск), кандидат филологических наук.

Тел.: +7-9140527760; e-mail: gta-77@mail.ru

Golovaneva Tatyana Aleksandrovna, research fellow, department of folklore of Siberian peoples, Institute of Philology (Novosibirsk), candidate of philological sciences.

Игумнов Андрей Георгиевич, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета, доктор филологических наук.

Тел.: +7-9146368804; e-mail: anigumnov@mail.ru

Igumnov Andrey Georgievich, senior research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS, associate professor, department of Russian and foreign literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 811.13

© *Л.В. Разумова*

Консервативность vs инновационность квебекского варианта французского языка на рубеже XIX–XX вв.

В статье рассматривается взаимосвязность и единство инновационных и консервативных процессов в квебекском варианте французского языка.

Ключевые слова: квебекский вариант французского языка, функциональная сущность языка, консервативные и инновационные языковые процессы.

L. V. Razumova

Conservatism vs innovation in Quebec French in the end of XIX – the beginning of XXth centuries

The article reviews the opposition "conservatism vs. innovation" in Quebec French.

Keywords: Quebec French, functional character of language, conservative and innovative language processes.